

Журнал Пионер

№8 за 1988 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №8 за 1988 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44484-2

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44484-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ся все сделать так, чтобы понравилось Тане...

Итак, ДТ сообщил о своих наблюдениях, сестры заскрежетали зубами (благо зубки у них были — никакие грецкие орехи не страшны) и рассказали про сладкий мешок... Тут-то в голове у Алешки и загорелся огонь новой идеи.

Он вот что предлагал. Раз Истратов известный злыдень и раз он здесь давно, от него можно узнать все плохое про лагерный народ. Самое ценное из этого плохого записать...

— А что самое ценное? — спросили Ирина-Марина.

— Ну, самое подозрительное... Кто когда-нибудь чего-нибудь украл. Или кто любит сверкающие предметы. Или кто в библиотеке зачитал книгу «Королевство кривых зеркал»...

— Детство какое-то!

— Детство, потому что я никакого ценного злодея не могу придумать. А когда он начнет говорить, вы сразу поймете!

Алешка взял поданные ему ручку и блокнот, написал несколько слов, вырвал страничку, протянул ДТ:

— Гони! Прямо к Истратову! — Здорово это у него получилось.

Ясное дело, Тане хотелось вмешаться, но... знаете, как бывает: не успевала в нужную секунду сказать свое, а потом уж было поздно!

Но почему же она не успевала? А потому, что командирские погоны сами собой таяли у Тани на плечах, она их уже не чувствовала, как раньше.

Вот и сейчас Таня только слышала, как сердце бьется, да еще слышала, как в ушах звенят-повторяются Алешкины слова: «Вы главное, не волнуйтесь. Я все продумал». Вообще это он сестрам сказал. Однако оно и к Тане относилось.

Тут на террасу вошел ДТ, а за ним высокий и худой парень с такими глазами, какими обычно смотришь на комара: спокойными и соображающими, как бы его прихлопнуть. Он увидел Таню,

Алешку, а главное, он увидел сестер. В глазах его прибавилась капля презрения и... честное слово, Таня не ошиблась... самая маленькая капля страха.

— Кто здесь внук-то? — спросил он неприязненно. И в то же время был готов показать, что неприязненность его относится только к «простым смертным», а не к внуку профессора.

— Зови меня Прян! — сказал Алешка очень жестким голосом. И уж кого он сейчас изображал, в эту минуту, он и сам в точности не знал.

Но ведь и Истратов не знал, что Алешка совсем другой человек, что это просто его фокусы-мокусы. И замер Истратов. Но не как человек, готовый к драке, а скорее, как человек, готовый получить удар.

— Ну вот так-то лучше! — сказал Алешка тем же не своим, жутким голосом. — Запомни: мы все знаем... Имеется в виду пожарная бочка... Понял?! Есть свидетели. И вещественные доказательства!

Истратов не мог ни бежать, ни трусливо отнекиваться, ведь он имел дело с ребятами явно младше себя, с «детьми»! И он невольно сел на перила террасы, провел рукой по лбу, словно стирая пот: — Что тебе надо?

Он тоже был не дурак, потому что раз угрожают, а не сразу устраивают общий сбор, значит, чего-то надо!

— Сведения! — сказал Алешка. — Слышал ты про исчезнувшие зеркала?

Признаться, Истратов был сильно удивлен, никак не меньше ДТ, увидевшего, что в полиэтиленовом свертке не пистолет, а конфеты.

— Чего? Не понятно? — Алешка усмехнулся. — У нас задание найти этого зеркальчика. Выкладывай все, что ты знаешь подозрительного!

Какое-то время Истратов не мог понять, что от него требуется. Но когда понял — эх, тут он начал выкладывать. У него было, чем поделиться — только записывай!

Тем более стесняться некого: Ирина-Марина, несмотря на могучее любопытство, были удалены в лагерь — для пользы дела, можно сказать. Тем более и времени было у Истратова неограниченно, потому что Алешка приказал сестрам зайти к во-

жатой второго отряда и сказать, что Истратова Игоря попросил помочь внук профессора Чуркина.

Ведь сам Арамис-начальник сказал: «Если надо, ребята нашего лагеря вам помогут».

* * *

Она сидела одна на перилах террасы. Крутом был запущенный, почти дикий участок, яблони стояли по пояс в траве. Сквозь листья проглядывали редкие яблоки — такое лето в этом году получилось неурожайное.

«Эх вы, яблони, — думала Таня, — целый год тут росли, яблок не дали!»

Странно, всего за какой-то день, за какие-то сутки этот участок чужой и эта терраса стали ей как будто своими, как будто она и правда профессорская внучка или по крайней мере «юная тимуровка», помогающая внуку профессора.

Сам «внук» в это время отбыл в сопровождении ДТ на территорию лагеря — прощупывать подозрительных, о которых они узнали от Истратова.

Таня осталась дома. Ей хотелось сказать, что все это глупости — чем они занимаются, что пусть они вообще это прекратят. Такое она, Таня, дает ни распоряжение. Но ничего не сказала, просто мотнула головой:

— Я пока не пойду...

Мало ли: девочка же может, например, себя плохо чувствовать и никому в этом не давать отчета. Но ей показалось, Алешка даже был доволен, что она не пошла. Ему нравилось отдавать распоряжения, а ДТ чтобы их исполнял...

Не смогла, как-то не сумела Таня свое слово сказать и во время допроса, когда Истратов говорил все сплетни, все свои «наблюдения». Между прочим, он сперва так, с неохотой вроде начинал, а потом — ух разошелся! Ведь ему это нравилось — клепать на людей. И Тане хотелось крикнуть: «А ну прекратите вы!»

Не крикнула: неловко. Потому что мало ли кому что не нравится, что же — сразу кричать?

Теперь, оставшись одна, Таня точно поняла, что именно ей не нравилось.

Не нравилось, что Истратов из обвиняемого превратился в почти помощника. И не нравилось, что ДТ, которого Таня действительно решила взять к ним в компанию — но ведь на исправление! — совсем не исправляется, а как был ДТ, так и оставался им: записывал на людей всякие подлые сведения, да еще по указанию Алешки... Сидит над блокнотом — прилежный пятиклассник. Алешка в его сторону пальцем ткнет: мол, ценное сведение, и ДТ сразу кидается писать!

Эх, Алешенька-дурешенька! Ты и сам-то в ДТ превратился...

Единственное, на что Таня решилась, это задать Истратову вопрос.

До того она сидела совершенно как немая. Истратов совсем, наверное, про нее забыл, как про куст жасмина, что растет возле террасы. У Истратова все внимание было на Алешку и частично на ДТ, который подхмыкивал и подхрюкивал Алешкиным ловким вопросам и замечаниям.

И вдруг Таня сказала:

— Послушайте, пожалуйста!

Она это сказала Истратову, одному Истратову. Специально обратилась к нему на «вы», потому что на «ты» все-таки хоть и немного, а по-товарищески. Но Таня не хотела с ним быть и самым маленьким товарищем.

ДТ и Алешка, конечно, таких тонкостей не поняли.

— У меня есть вопрос, — начала Таня не очень ловко, потому что раз вопрос есть, ну так и спрашивай, чего об этом объявлять. — Я хочу спросить, у вас есть какие-нибудь, ну... странные, чокнутые? Про них расскажите.

— Какие чокнутые? — небрежно улыбнувшись, спросил Истратов. Он, видно, Таню за первую чокнутую и считал.

«Вы говорите, когда вас спрашивают!» — хотела Таня его одернуть. Но не стала она строить из себя Алешку. Сказала с едва заметным ехидством в голосе:

— Чокнутые?.. Ну, которые, например, с инопланетянами готовят встречи?

Истратов сделал удивленно-презрительное лицо... Презрение у него вообще редко сходило с лица...

— Ну, или такие, которые ведут себя вроде как клоуны.

На самом деле Таня не считала «чокнутыми» ни тех, кто с инопланетянами хочет встретиться, как Алешка, например, ни тем более клоунов... Ее любимый дед Володя один раз признался со смехом (а по глазам — без всякого смеха), что хотел стать клоуном, да не смог.

Он когда в институте учился, играл в волейбол и руку себе вывихнул. И уж не мог потом делать ни кувырки, ни сальто. А без этого клоун получается уже не такой смешной!

Таня назвала таких людей «чокнутыми», чтобы Истратову с его презрительной физиономией было понятней. И Истратов наконец понял, чего «начальство» хочет. Да, говорит, есть такой в «Рассветном». Называется Русанов Ванька. Иван-болван. Он, например, натянул канат от окна девчоночьей палаты до ближайшей березы и стал по нему ходить.

— И чего? — спросил Алешка.

— Не прошел!

Потом, оказывается, этот Иван-болван на спор не дышал три минуты. И весь позеленел.

— А почему три? — опять спросил Алешка.

— А потому что он должен был сто раз написать слово Ия.

— Что такое «Ия»?

— Имя женское, — сказал Истратов с такой скукой, как будто говорил о насморке. — У них в отряде есть такая Ийка Иванова.

— Так он, значит, все из-за этой девчонки? — спросил Алешка.

Истратов кивнул:

— Семиклассник, а такой дурак! Да еще с дерева упал, ангину заработал! Теперь в изоляторе...

— Как это так с дерева и... ангину? — спросил Алешка.

— Я же тебе говорю, он дурак!

— А которые конфетами обжираются?.. — не выдержала Таня. И зря не выдержала. Больше она про «Ивана-болвана» ничего не узнала.

Но вообще-то ей и того было достаточно. Потому что она подумала — а может, даже и придумала — одну странную вещь: зеркала украдены не для наживы, вот в чем дело, и не для злости! Их стащил какой-нибудь странный человек. И «зеркальщика» надо искать среди странных. Вот этот Русанов Ваня ей как раз подходит: с дерева упал и ангину заработал. Так не бывает, а у него получилось!

Дальше вопрос. Их действительно стащили? А может, только взяли на время?.. Почему Таня

об этом думает, потому что сестры говорили, будто во втором и первом отрядах нашли непонятные записки. Текст одинаковый: «Вещи взяты временно». И никакой подписи... На эти клочки бумаги не обратили внимания, потому что в лагере всякие хохмочки, всякие записки — первое дело. Их подмели вместе с другим мусором — и привет. Только Ирина-Марина, которые стали до всего докапываться, случайно вспомнили про них.

И вот теперь что же получается?.. Странный человек — есть такой. И почти точно, что зеркала взяты не для наживы. Ведь правда, не для того же их украли, чтобы давать посмотреть за десять копеек! Да еще плюс записки, что «вещи» (зеркала!) отдадут.

Или это все Таня лишь выдумала — как Алешка со своими инопланетянами?..

А надо пойти в изолятор да проверить, поговорить с этим «Иваном-болваном».

Так почему же ты не идешь-то? В чем дело? Неужели Смелая боится?

Еще пять минут назад Таня могла убедить себя, что она просто хочет снова все продумать и разложить по полочкам. Но ведь все уже разложено... Эх ты! Стольких опасностей не испугалась! А здесь перед тобой просто странный человек, клоун. А клоунов нечего бояться. С клоунами можно только дружить!

Она легко прыгнула с перил террасы, словно прыгала так всю жизнь. Но трава и земля оказались тут на редкость мягки и пружинисты. Не теряя больше ни секунды на трусость, Таня сразу пошла к дырке.

Поскольку они, «внуки и полувнуки», разгуливали по лагерю абсолютно свободно, Таня оставила первую попавшуюся девчонку-октябренька:

— Где у вас тут изолятор?

И пошла к домику, который охраняли три коренастые сосны... Ей бы остановиться, вздохнуть. Нет! Сразу встала на низкий карнизик, ухватила рукой за подоконник в открытом окне. Раз-два, и вот она уже головой в больничной палате... Или в чем-то, похожем на больничную палату.

Н-да! А ведь тут мог быть и врач. Вообще мог быть какой-нибудь взрослый: «Тебе чего, девочка, надо?» Ответить ей было бы трудно. Вообще все дело могло пойти насмарку!

Но замечено: рядом со смелыми поступками летит на больших птичьих крыльях и везение. Таня, конечно, этого не знала, никогда не задумывалась о таких вещах. Она просто скомандовала себе: «Вперед, ребята!»

В палате было три койки. Две застеленные, а на третьей лежал мальчик с рыжеватыми бровями, русыми волосами — конечно, длинными, как у всех мальчишек, которым это уже разрешается. Серо-синие глаза его смотрели прямо на Таню Смелую:

— А ведь ты не из нашего лагеря, точно? — он так это спросил, как будто ждал, что Таня — именно Таня! — к нему сейчас и придет.

Таня молчала. Она еще не могла прийти в себя от своей смелости...

А кстати, ничего в этом Иване не было «болванистого». Но ведь Истратов имел совсем другие глаза, чем Таня!

— Знаю. Ты мне принесла записку!

— Нет! — Таня улыбнулась... Сейчас Русанов, конечно, мог бы легко отказаться, что это не он стащил зеркала. Но Таня уже точно знала, что он.

— А зачем тогда ты пришла?

— На тебя посмотреть!
— Кто же тебя прислал?
— Сама догадалась! — И опять она не смогла удержать улыбку, потому что ей нравилось, как она говорит.

Но дальше надо было переходить к главному... Они были сейчас с Ваней Русановым как два наших разведчика, которые встретились где-то во вражеском тылу и оба забыли пароль! Каждый чувствует, что это свой, наш, а все-таки первым решиться на откровенное слово не может: права не имеет!

Таня проклинала непродуманность своей затеи, это ныряние с закрытыми глазами. Как бы хорошо было сейчас вынуть зеркальце. Даже можно ничего не говорить, просто навести на него зайца! Или, когда он спросил про записку, подать ему бумагу, на которой написано, что вещи взяты временно. И все в порядке!

Но теперь надо было искать какой-то другой путь... Снова Таня сказала себе, что это он, что сомневаться не надо. Потому хотя бы это он, что с ним легко. Со старшими обычно трудно разговаривать. Но с хорошими старшими — легко. А с этим Ваней было именно легко...

— Ладно, — сказал он наконец, — у меня другого выхода нет... Ты поможешь?

— Мне кажется, я для этого и пришла...

— Ты чего это все загадками говоришь, а? Ты в «Рассветном» новый массовик-затейник?

— А они у тебя где?

Больной внимательно так посмотрел на Таню — снова как тот разведчик, который без пароля старается распознать, свой перед ним или чужой. Затем он встал, нисколько не думая о том, что оказался перед девчонкой в одних трусах. Да, впрочем, летом все как-то выглядит по-другому: трусы на тебе — уже считаешься вполне одетым...

И Таня тоже нисколько не думала, что перед ней стоит такой гражданин полутолстый. И даже не «полу», а на три четверти, а то и на четыре пятых голый. Но не думала она об этом. Она глядела, как этот «гражданин», как этот, в общем-то говоря, большой мальчишка бросил подушку и одеяло на свободные кровати, затем отворотил матрас и под ним, на втором матрасе лежали сплошной прозрачной лужей маленькие зеркальца.

Да! Такого никто и никогда в жизни не видел — это уж можно точно сказать. Много чего люди видели необыкновенного, в том числе, как в нашем земном небе будто бы появлялось, а через какое-то время погасало второе солнце, о чем сообщают очень древние рукописи.

Но такого чуда — и простого, и необыкновенно — не видывал еще никто.

Ваня Русанов словно бы сам заново изумился этому зрелищу и сказал:

— Вот они!

С огромным удивлением Таня смотрела на эти зеркальца — квадратные, круглые, продолговатенькие, а иногда просто осколки, которые бережливые девчонки подобрали неизвестно где... Таня только одно и могла произнести:

— Зачем тебе?

А Ваня ответил ей. Но не как старший младшекласснице, а как заговорщик заговорщику:

— Есть причина!

И затем он посвятил Таню в тайну... Как звучит-то здорово! А мы ее пока открывать не будем. И на некоторое время попадем в положение Алешки, ДТ и сестер, которые смотрели на Таню

удивленно, однако приказания ее все-таки выполняли, потому что просто другого выхода не было!

* * *

Да, не было другого выхода...

Алешка и ДТ явились на террасу ни с чем. Таня ждала их, сидя на перилах, — будто и вообще никуда с места не сдвигалась:

— А спорим, что у вас ничего не вышло?

И таким голосом, прямо почти радостным! Будь это не Таня, Алешка бы, конечно, рассвирепел. И ДТ тоже рассвирепел бы, если б Алешка рассвирепел. А так они оба устали на Таню с крайним удивлением, которое больше было похоже не на удивление, а на сильное недовольство.

— Можете не психовать, — со спокойным торжеством сказала Таня. — Просто я все раскрыла. Но вам я пока ничего не скажу. До завтрашнего утра. И приказываю выполнять мои приказания!

Как-то странно получилось: «Приказываю выполнять приказания», однако ДТ и Алешка ничего не заметили — не до того было. Алешка даже пожал плечами: мол, я никогда и не говорил, что командир не ты, а кто-то другой.

ДТ просто молчал, опустив глаза, поскольку считал, что он здесь тем более человек маленький.

— Нужны пила и фанера! — отчеканила Таня. — И клей, чтобы склеивалось стекло и дерево... Ничего сейчас не скажу! Фанера нужна... — Тут Таня посмотрела в какую-то бумажку. — Метр на метр шестьдесят!

— Много, Тань! — покачал головой Алешка, который в отличие от Тани понимал, какой это огромный кусок надо просить в лагере.

— Ничего. Ты же у нас «внук»! И три тюбика клея!

— Да чего же я им скажу?

— Твоя забота.

— Тань, мы еще хотели обследовать нескольких подозреваемых, чтобы...

— Не надо! — Таня покачала головой на его непонятливость. — Происшествие уже раскрыто. Завтра утром вы все поймете!

Алешка посмотрел на ДТ: поплелись, мол, а по пути придумаем, чего будем свистеть в «Умелых руках» — это во-первых. А во-вторых, запомни, друг ДТ: споря с женщиной, ты уменьшаешь свое долголетие...

Мы уже могли заметить, что Алешка, как человек научный, любил эти «во-первых» и «во-вторых». И вот теперь они даже во взгляде его слышались!

Однако не успели они и шагу ступить, как на террасу влетела Маринка... а может, Иринка:

— Там Альбина по лагерю ходит, понятно?!

— Все! Попели! — сказал Алешка спокойным голосом командира лопнувшего воздушного шара.

— Их пока там Маринка держит! — Так они узнали, что перед ними Иринка.

— Кого их, Ир? — спросил Алешка. — Там чего, две Альбины?

Он не очень расстраивался: преступление не раскрывалось, ну и аллах с ним! Он хотел отсюда уехать и Таню увезти. Так что Альбина как раз вовремя.

— Да, их двое! — раздраженно сказала Иринка. — Мы тут болтаем, а Маринка там надрыдается, их удерживает.

— Каких еще «их»?!

— Ну потому что она с мальчиком!

— С Витькой Алехиным?! Вот это да!

— Алеша Пряников! — сказала Таня таким го-

лосом, что Алешка сразу пришел в себя. — Немедленно доставь их сюда. И обезопась!

Алешке бы вздохнуть, Алешке бы подумать: «Эх, жизнь моя, жестянка!» Но не было у него на это времени — так Таня строго ему приказала. И через все три ступеньки крыльца довольно-таки грузно Алешка шагнул на землю — побежал приказание исполнять. А Иринка, которая прыгнула за ним, все же успела быстро глянуть на Таню Смелую: вот это девочка! Самому Алешке... А ДТ остался на террасе — ждать дальнейших распоряжений, которых так и не последовало...

Алешка вернулся минут через пять. И эти минуты не показались Тане часом или годом, как иногда пишут в книжках. Дело просто в том, что Таня не боялась встречи с Витей и Альбиной — правота ведь была на ее стороне, она поступила честно, а значит, на душе порядок.

Правда, необходимо еще Альбину усмирить. Но это уж Алешкина забота...

Таня посмотрела на Алешку и поняла, что молодой ученый А. Пряников уже начал действовать, потому что он вел себя не как простой Алешка, а как кто-то другой, как... ну, может быть, летчик-космонавт, у которого через полчаса старт. Он был сдержан, но очень деловит. Да, конечно: к нему приехала старшая сестра, и он готов оказать ей все возможное уважение, однако сестра должна понять, что он, космонавт Владимир Джанибеков, в данный момент очень и очень занят.

Альбина открыла рот для какого-то там своего «взрослого выступления», Алешка спокойно и даже как-то не спеша опередил ее:

— Сядьте, пожалуйста, посидите. Я скоро вернусь... Я занят сейчас, освобожусь буквально через несколько минут.

И ушел... Альбина за десять лет совместного житья могла бы, кажется, привыкнуть к его штукам. Но привыкнуть было очень трудно, потому что Алешка всегда изображал что-нибудь новое.

И потом, в глубине души, Альбина любила своего брата, а уж в самой-самой глубине она еще и гордилась им. Конечно, о таких вещах никто не знал и знать не мог. Альбина и сама о них как бы не знала. Поэтому сейчас она с возмущением усеялась на перила террасы, всем видом своим показы-

вая, что ладно, мол, она подождет, она ни одного пока слова резкого не скажет, но она еще...

Витя же Алехин с интересом осмотрелся по сторонам таким веселым и выжидательным взглядом, как будто был фотографом и искал, чего бы ему тут запечатлеть.

На самом деле он был, пожалуй, немного сбит с толку или даже немного растерян.

Сегодня ни свет ни заря ему позвонила Альбина Пряникова и сказала, что он, Алехин, отвечает за пропажу ее брата, а также еще двоих малолетних детей.

И теперь он должен ехать вместе с ней, выручать всех этих малолеток!

Витя вообще-то догадывался, что Альбина по нему, как говорится, нежно вздыхает. Но он сразу сказал, что поедет, потому что действительно (опять же, как говорится) вешал лапшу на уши Пряниковой маме. А тем более по поручению драгоценной Рыжиковой.

В электричке, однако, Альбина совсем не говорила про исчезнувшего братца, а все вела с Алехиным разные намекательные беседы, что, мол, эх ты, Алехин, что же мы всю позапрошлую зиму ходили в секцию фигурного катания, а теперь ты бегаешь и виляешь хвостом вокруг этой... не будем говорить какой Рыжиковой, словно собачонка вокруг ириски...

Ну и так далее, и тому подобное — что обычно говорится в таких случаях. Кстати, во вторых и третьих классах девочки в «таких случаях» говорят то же самое, что и в седьмых-восьмых...

Алехин в основном отмалчивался. А что он мог сказать, когда у него не было способностей к фигурному катанию? Вот и пришлось разлюбить Альбину, а влюбиться в Таню Рыжикову.

Но, конечно, про фигурное катание он даже не заикался, а чего-то мяукал неясное про то, что сердцу якобы не прикажешь...

Потом они долго искали лагерь, потом нашли, потом на них наткнулась Иринка-Маринка, и Альбина опять вдруг стала заботливой и строгой сестрой. Потом явился Алешка, притащил их сюда. Причем вел он себя совсем не так, как ожидал Витя Алехин, то есть не как забитый и провинившийся младший брат.

По всему этому Витя Алехин оказался... немного растерян. Он вообще-то был не очень уж такой суперуверенный в себе человек. Он и курил в основном для того, чтобы на него смотрели поуважительней.

Так некоторые младшеклассники учатся, например, ругаться матом и даже выписывают особо грубые слова на бумажку, чтобы заучить их, заперевшись в ванной. Они тоже надеются — как и «курящий» Витя Алехин, — что станут от этого как бы взрослее и строже.

Зря они, между прочим, надеются!..

Алехин, кстати, вспомнил о своем курении и подумал, не закурить ли ему — для весомости и решительности... Но так и не решился, все же на чужой террасе. Может, тут взрослых полно дом...

Альбина же, решив, что вполне достаточно была сдержанной, принялась говорить про «возмутительно», про «родители с ума сходят», про «исчезнуть на несколько суток» и про «я все должна покрывать».

Таня послушала, сколько могла, потом покашляла — не от какого-нибудь там гриппа или бронхита, а чтобы Альбина помолчала хоть немного.

Так устроены едва ли не все люди. Вот попросите при ком-нибудь покашлять, и хотя бы чело-

век этот очень увлечен был своим рассказом, останавливается и обязательно посмотрит на вас...

То же и с Альбиной случилось. Она остановилась в самой середине фразы и поглядела на Таню. Таня глянула на нее: мы ведь тебя от таких неприятностей спасли, Альбин, — зачем уж ты так разоряешься?.. Хотя это было и не очень благо-родно — напоминать человеку о подобных вещах.

Но Таня ведь только взглядом коротким. Словами она сказала совсем другое: что вовсе они не запропастились, а только на один денек... пока. И не чтобы специально родителей волновать, а чтобы помочь одному хорошему человеку...

Алехин посмотрел на Таню с удивлением... конечно, с тайным удивлением... Надо же, он думал, маленькая, а уже «хорошему человеку», а уже «помочь»...

Альбина, признаться, тоже была сбита со своего грозного тона. Невольно она ждала, что же Таня дальше скажет? Но Таня как раз абсолютно не знала, что ей дальше-то говорить. И здесь судьба смилостивилась над ней — явился Алешка!

* * *

Вернее, сперва они увидели большой лист фанеры, который дрожал, ходил волнами и производил гудение, одновременно похожее на собачий лай и на звук «У!», который произносят то длинно, то отрывисто.

Только потом из-за этого листа вылез Алешка. На шее у него, привязанная на веревочке, висела пила-ножовка, а из карманов он потом вынул два мягких тюбика с клеем.

Алешка отдыхался, вытер пот со лба... Хотя Альбине и Алехину непонятно было, чего это Алешка такое принес, однако он невольно вызывал уважение — такой усталый, наработавшийся человек. И Алешка, хитрец хитрецович, почувствовал это, спросил солидно:

— Поможешь? — это он сказал Вите Алехину. А сам тут же перевел глаза на Таню, потому что представления не имел, в чем там надо помогать.

— Выпилить тут кое-что, — сказала Таня. — Две кое-какие буквы...

— Ты умеешь? — это Алешка спросил у Алехи-на как бы с некоторым сомнением.

В ответ Алехин неожиданно улыбнулся. Он понял наконец, что имеет дело с довольно-таки ловкими типами. Замок на двери, и весь нежилой вид террасы, и сиротливые три матраса, покрытые казенными одеялами, — все говорило, что «ловкие типы» здесь незаконно.

— Уметь-то я... это все в порядке. А вот вы на каком основании оккупировали помещение?

— Ну... — начал Алешка с несколько излишней беспечностью. — Подметим и уедем, господа!

— У тебя бы дома так! — Витя усмехнулся. — Явятся какие-нибудь незваные рыла: подумаешь, какое дело — подметим и уедем!

Надо сказать, этот Витя Алехин раз от раза делался все интересней, как... Как что, подумал Алешка, может, как Луна?.. Сперва на нее смотришь невооруженным глазом — просто видна какая-то глупая рожа.

Потом вооружаешь глаз биноклем — заметны цепи гор и круглые странные дырки.

Потом идешь в планетарий и тебе достается счастье посмотреть в настоящий телескоп. И ты уже словно бродишь среди этого жутковатого и потрясающего мира, где тени резкие и тяжелые, словно вырезаны из железа.

А потом вдруг говорят, что прилетела наша автоматическая ракета, привезла лунный грунт. И ты узнаешь про эту бывшую «глуповатую рожу» такие штуки...

— Ты чего это замечтался? — спросил Витя.

Алешка только улыбнулся и ничего не ответил. А Таня сказала:

— Надо вырезать две буквы — «Я» и «И».

— И зачем же? — спросил Алехин, берясь за ножовку.

— А можно я вам после скажу?.. Честное слово, так интересней будет.

— И когда же вы отсюда собираетесь уезжать? — спросила Альбина насмешливо, словно бы вовсе и не интересуюсь ихними глупыми детскими планами.

— Вообще-то нам очень нужно остаться до завтрашнего утра! — сказала Таня.

— Хм... — обронила Альбина. Это было и не «да» и не «нет». А то, что называется: поглядим на ваше поведение.

Признаться, Альбина поняла, что совсем неплохо будет здесь остаться с этой ребятней... и с Алехиным! Ей представлялся какой-то там костер при свете звезд, печеная картошка, огромные шаткие тени, которые бродят по поляне то туда, то обратно, и что-то там еще в том же духе... И все это, конечно, вычитанное из книг...

Между тем работа пошла. Бывший военный, еще дедовский, если не прадедовский ремень, вынутый из Витиных брюк, превратился в линейку.

Они начертили более или менее ровные буквы «Я», «И». Потом с адскими муками стали выпиливать их. А почему с адскими, потому что попробуйте когда-нибудь это сделать, и вы сами убедитесь, какие у вас будут муки.

Когда буквы наконец были готовы, все посмотрели на Таню... На нее, собственно, давно уж поглядывали. Но теперь так посмотрели, что...

Таня взяла свой заранее опустошенный рюкзак:

— Альбина, если можно, помоги мне, пожалуйста!

Нет, не подумайте, что она хотела как-то уни-зить или обидеть старшую Альбину. Таня хотела ей показать, как между матрасами лежит зеркаль-ное чудо.

Всех с собой Таня взять не могла — это будет слишком заметно, но еще одного человека, навер-ное, ничего, можно. И Таня подумала: кого? Алеш-ку?.. Ему вообще-то нужно, он фантазер и уче-ный — потом сам что-нибудь придумает.

ДТ? И ДТ нужно! Чтобы понял: не только одно подглядывание есть в жизни, а и кое-что куда более интересное.

И Витю можно было бы взять — чтобы посмотре-ть хотя бы, как он изумится такому чуду... если только Таня не ошиблась в нем...

Все-таки она решила: нет, Альбина! Пусть пора-дуется немного, поудивляется, а то все страдает, страдает по своему Алехину и никакого у нее отды-ха. Даже за город его увезла, а он опять никакого внимания — пилит да пилит!

Когда они пролезали в лагерную дырку, Таня вспомнила, что ведь Альбина же ничего толком не знает:

— Если нас спросят, ты, пожалуйста, говори, что мы по линии внука... Вернее, ты ничего не говори, я сама скажу.

— Что? — И Альбина сделала такое движение, словно собиралась улететь обратно.

— Так у нас получилось, — сказала Таня как

можно мягче.— Ну... нам пришлось сказать, что твой Алеша — внук профессора Чуркина.— И Таня кивнула в сторону видневшейся за одичавшими яблонями дачи.

— Что-что-что?!

Но отчего-то Альбина не чувствовала себя рассерженной, не чувствовала себя той взрослой, которую водят за нос плохо воспитанные и насмешливые дети.

Она будто попала в сказочную местность, где все не так, как в обычной, обыденной жизни. Опускаешь монетку в автомат с газированной водой — на светофоре загорается зеленый. Покупаешь эскимо — на небо выплывает луна, заходишь в телефонную будку — тебе дарят цветы... Алехин!

Тут дело не только в том, что Альбина сочиняла стихи. Это вообще близко в человеке — чуть-чуть скучные дела раздвинул, а под ними сразу и сказка! Только не все решаются раздвинуть обыденные дела. Например, Танин дед Володя так за всю жизнь их и не раздвинул...

На счастье, Альбину и Таню никто не остановил. Может, лагерь здесь был особый, тоже немного сказочный, а может, все в этот момент куда-то спешили. В общем, Альбине не пришлось враньем портить того настроения, которое в ней ожило. И это настроение очень ей пригодилось, когда она увидела зеркала!

Альбина не поняла, для чего это. Но поняла, что для чего-то хорошего и странного.

— Ты все сделала, Тань? — спрашивал этот мальчик. А Таня и Альбина уже собирали зеркала в рюкзак: к сожалению, надо было торопиться.

— Там нас целая команда! — отвечала Таня бодро.— А ты сам не хочешь, Вань? — Она видела, что он именно хочет.

В ответ Ваня покачал головой:

— Нельзя. У меня опять температура. Ну и заходят, беспокоятся... А если засекут, что я ухаживаю, могут догадаться, кто это сделал, понимаешь? А я не хочу, чтоб тот человек про меня догадался!

— Совершенно не хочешь? — искренне удивилась Таня.

— Совершенно не хочу!

* * *

Но теперь уже наконец настало время объяснить, что же собирался сделать Ваня Русанов...

Если какому-нибудь старшекласснику нравится какая-нибудь старшеклассница, он зовет ее послушать записи или посмотреть видеокассеты — в зависимости от возможностей. Ну и там поест хороших бутербродиков, попить сочку... Так делают все старшеклассники. Но вот бывает глупый такой человек, и он на день рождения старшекласснице, которая кажется ему лучше всех в мире, решает подарить солнечного зайца.

Но не простого!

Надо выпилить фанерные буквы, чтобы получилось ее имя (Ия, помните? Ия — так звали эту девочку), обклеить эти буквы зеркалами и повесить на дерево, которое через дорогу от окон ее палаты. День рождения у нее 19 августа — подъем солнца у нас в Подмоскovie в шесть часов восемь минут.

Но это так считают астрономы. А на самом деле, пока оно выберется из-за крыш, из-за деревьев, пока ударит лучами в те зеркальные буквы, будет семь тридцать. Что и требуется доказать!

Горн трубит подъем, а солнечные зайцы на стене палаты девочек из первого отряда высвечивают: «ИЯ»!

И это будет подарок к дню рождения!

Получше, чем самый шоколадный торт, и получше даже, чем майка фирмы «Адидас»!

А почему лучше?

А потому хотя бы, что этого ни у кого никогда не будет, а только у тебя.

Торт съестся, майка станет тряпкой для мытья полов. А этих солнечных зайцев не съешь, не порвешь, не потеряешь. Они у тебя навсегда: ведь в памяти это не пропадет и не забудется...

— А как же он все-таки с дерева упал и ангиной заболел? — спросила Альбина. Они обклеивали буквы бумагой и уже на бумагу наклеивали зеркала — чтобы потом хозяевам было легче их и безвредней отрывать.

— А он долго сидел, — объясняла Таня, — замерз, а слезть не может: все народ да народ. А он боялся, что его увидят и догадаются. Наконец стал слезать — бух, и ногу подвернул. Его на ночь оставили в изоляторе. А утром уже ангина подошла!

— Вы проверьте, они падать не будут? — Витя приподнял букву «И», на которой уже был наклеен первый ряд зеркал.

— Да не будут, он же проверял!

— Но почему он все-таки не хочет, чтобы она узнала? — спросил Алешка. — Скромный, что ли?..

— Чего ж тебе непонятно-то? — усмехнулась Альбина. — Если она его не любит!

Альбина хотела объяснить младшему брату, что раз эта Ия не любит Ваню Русанова, то, конечно, ему лучше уж не выставляться... Вот я же, например, не выставляюсь, подумала Альбина. И даже сперва с некоторой гордостью.

Да. Но Ваня Русанов делает для своей Ии, чтобы она радовалась...

А я?

А она делала злое, назло, чтобы злить!

Ну что же мне, стихи писать во славу Алехина? И даже засмеялась. Однако тут и самой ей стало понятно, что засмеялась она не от радости.

Потом Альбине очень легко представилось, как эта девчонка, эта Ия, увидит завтра чудо, устроенное в ее честь. Все будут ей кричать: «Ийка! Ийка! Смори!» А она усмехнется, глянет разок и пойдет умываться.

Но запомнит навсегда!

А там уже и слух разнесется! И лагерный народ приберит поглазеть: «А что? Почему? День рождения?.. У-у! Поздравляем!» А тут еще и зеркала пропавшие обнаружатся — тоже праздник!

И взрослые это дело не минуют — могут спорить. Потому что взрослый ты, не взрослый, а Земля, планета наша, через несколько минут повернется на своей оси — небось проходили? И привет, чудо исчезнет. Уползут солнечные зайцы, будут светить куда-то там в космос, где их и не увидишь.

С какого-то мгновения Альбина не могла разобраться, что она еще думала, а что уже видела в праздничном таком сне... И вдруг кто-то громко и очень ясно спросил:

— А если завтра солнца не будет?!

И Альбина сразу проснулась. Это самое «завтра» уже наступило. Но только оно наступило недавно: было раннее-раннее утро. Пять часов десять минут — столько показывали ее электронные. Солнце, как мы теперь знаем, должно было выйти из-за горизонта только через час. Но уже рассвело. Все краски пока были густые, какие-то особо краси-

вые, лишь слегка разбавленные светом: темно-коричневые, бархатно-черные, густо-зеленые.

Тихо, чтобы не разбудить Таню — она с Таней спала на одном матрасе и под одним одеялом, — Альбина поднялась глянуть на небо. Но и так уже чувствовала: небо чистое!

А ведь странно, что этот мальчик, Ваня этот, даже и не думал о такой легко-обычной вещи, как пасмурное утро. Он не сомневался! Он уверен был: девятнадцатого августа будет светить солнце!

Нет, подумала Альбина, просто я не та... еще не та, чтобы для меня устраивать такие праздники. Да и Витяка Алехин не тот. Ему даже в голову не приходит что-нибудь такое сделать... Пусть не для меня, пусть даже для Рыжиковой! Значит, тогда и расстраиваться особенно нечего...

Она посмотрела на Витю Алехина, который спал, укрывшись с головой и скрючившись, чтобы коротковатого «детского» одеяла хватило ему на все части тела. И он довольно-таки некрасиво спал — как безжалостно заметила Альбина. Она

глянула на часы: до намеченного подъема в половине шестого оставалось еще десять минут... Ну и пусть себе спит.

И отвернулась... Навсегда...

Алешка спал с ДТ... Тут надо пояснить, что ведь у них было всего три одеяла и три матраса, а народу пять человек. Поэтому они и спали такими «коллективами»: Альбина с Таней, Алешка с ДТ. А Витя Алехин, которому «компании» не было, один.

Алешка и ДТ долго не спали — все перешептывались, — будто бы, чтоб другим не мешать, а на самом деле, чтоб другие не слышали. У Вити Алехина были часы с будильником, и значит, можно не волноваться, что они завтра проспят, можно говорить. А то, что они завтра якобы не выспятся, — это их абсолютно не волновало!

ДТ хотелось высказать, какой Алешка потрясающий человек. А Алешка рад бы перебить, да очень уж приятно было слушать. Доброе слово, как говорится, и кошке приятно. А ведь над Алешкой в классе что? Да в основном подсмеива-

лись: «Ну, ясно. Ты у нас ученый, хвост моченый!»

ДТ, может быть, вообще первый из людей не заметил, что Алешка... как бы это выразиться... излишне упитанный и что волосы у него торчат в разные стороны.

Он заметил в Алешке самое главное, что и сам Алешка в себе любил — умение выдумывать, изобретать, хотя это, может, одно и то же.

Наконец, наслушавшись ДТ, который собственно просто пересказывал Алешке его же подвиги, только в более красивом виде, Алешка набрался мужества и сказал:

— Нет, ДТ. Это все Танька вообще-то Смелая!

ДТ опять начал свои хвалебные песни: ведь и в «Рассветный» они поехали с помощью Алешки, и на этой даче с помощью Алешки, и Альбину уладили...

— Не, ДТ, не понимаешь ты, — сказал Алешка и с удивлением понял, что для Тани ему даже собственной славы не жалко. — Я при ней как ЭВМ... электронная машина. Человек, инженер или ученый, в нее задачку заложит — ЭВМ решит. А все главное человек сам решает. Любой случай возьми... Буквально любой случай — все Таня!

— Чего-то мне не верится, Алех.

— Еще сто раз убедишься... И с этим Ваней Русановым... Видишь, она до чего додумалась: что он не преступник. И тебя самого это она мне велела сюда взять, представляешь?..

Алешка помолчал, глядя на звездочку, которая с трудом домигивалась к нему сквозь то огромное расстояние, которое их разделяло.

— Ладно, ДТ, будем уж при ней ЭВМами, — Алешка постучал себя костяшками пальцев по лбу, — согласен?

— Да как скажешь! — ДТ чувствовал рядом Алешкино плечо, Алешкин бок и знал: его больше не прогонят!

Витя Алехин спал один, в дальнем углу просторной террасы. С его места не было видно звезд, а только могучие черные кроны яблонь, которые сливались в единую стену.

И в то же время Витя знал, что никакая это не стена, а живые листья, которые на каждый венок сейчас же ответят шорохом и шепотом. Ему

было хорошо, уютно, дышалось свободно. Витя залез с головой под одеяло, как любил спать с самого детства, с детского сада, за что его поругивали воспитательницы. А он все равно любил!

Он стал думать о чертеже, который сделал Ваня Русанов. Сперва дом и нужное дерево. А потом ветки на самом дереве и засечки на ветках, где и как устанавливать буквы.

Витя знал: это ему лезть, и ему устанавливать, и ему искать те засечки. И если зайчики не попадут куда нужно — на стену, над кроватью Ии, он пропал навсегда!

Сейчас они его уважают: Алешка и ДТ, но если не получатся, они его будут презирать!

Найду, думал Витя, ничего. Другой бы подумал: найду не найду — чихать мне на это. Как получится, так и получится. Но Вите Алехину было сегодня интересно целый день — интересно с этими ребятами... Разговаривать, следить за их работой и чего-то там подправлять и отвечать на вопросы — то спокойно, то строго, то по-дружески.

Неожиданно он подумал: вот кем я стану — учителем! Отец с матерью у него все интересовались, потому что пора было выбирать. Через две недели он пойдет в восьмой класс, а там уж обязательно: какое ПТУ, какая профессия?

Бывают, интересно, такие ПТУ, с педагогическим уклоном?.. Кажется, педучилища?..

Ему представился какой-то зимний день, время — после уроков. Он входит в класс, такой уже чуть вечерюющий, с воздухом, из которого еще не выветрилась усталость после уроков и перемен... Ребята видят своего вожакого: «Привет, Витя!» Алешка Пряников и другие. И эта Таня Смелая с особым своим лицом... «Я буду пока вожаковым, — подумал Витя и поразился, что ни разу не покуривал сегодня при этих ребятах. — Я буду вожаковым».

И потом он уснул, и всю ночь ему снился длинный лыжный поход. И они то по лесу шли, то у костра сидели, то неслись с гор. А горы крутые, и ты как будто даже и не едешь с горы, а летишь!

Таня Смелая, как мы знаем, спала с Альбиной. И ей неудобно было крутиться под боком у взрослой девочки. Она легла «камушком» (деда Володиного слово), так и лежала. А когда лежишь без движения, засыпаешь быстро. Попробуйте — сами убедитесь... на следующее утро!

И Таня тоже уснула. Лишь перед сном у нее в голове успела промелькнуть мысль — быстро, как птица: Тане как бы позавидовалось, что они с Алешкой такие еще... маленькие, и потому он не может ей пока сделать зеркальные буквы.

Обычно третьеклассники (да еще те, которые уже перешли в четвертый) никогда не думают о себе «маленькие». Но перед сном-то можно...

И потом ей приснился странный сон. Как будто они стоят с Таней Рыжиковой в какой-то комнате, перед какой-то стеной. А на стене яркими солнечными буквами написано: «ТАНЯ». И Рыжикова говорит:

— Это про тебя.

А Таня качает головой, улыбается:

— Нет, Тань, это про тебя!

— Ладно, — улыбается в ответ Рыжикова, — сейчас узнаем!

И они ждут. И вот видят, как с дерева слезает... Алешка!

Не Витя Алехин, а именно Алешка.

Пряников!

КОНЕЦ